

Сяхоу Лянь зажил жизнью избалованного господина: поел — и спать, выспался — и снова за еду.

Стоило в любом из дворов поместья закрыть ворота, как он превращался в отдельный крошечный мир. Если не брать в расчет, что Сяхоу Лянь был раненым, да и к тому же пользовался полным попустительством со стороны Се Цзинланя, то как бы он ни безобразничал и ни чинил произвол, никто не смел и слова сказать. В итоге за те дни, пока он залечивал раны, его баловали даже больше, чем законного молодого господина.

Се Цзинлань вовсе не пустил на самотек дело о тех, кто пытался навредить клану Се. Он велел Ляньсян передать случившееся дворецкому, предупредив того, чтобы внимательнее следил за воротами и калитками, а сам заперся в комнате за книгами. Он рассчитывал, что дворецкий сам во всем разберется, и детям не о чем беспокоиться.

Спустя полмесяца или около того раны почти затянулись и покрылись корочкой. Сяхоу Лянь целыми днями валялся на кровати, а временами прибегал в комнату к Се Цзинланю и мешал ему учиться. Се Цзинлань еще во времена Преследующей луну башни выработал навык сохранять безмятежность посреди шума и оставаться непоколебимым, какой бы ветер ни дул — с востока, запада, севера или юга, — а потому пропускал болтовню Сяхоу Ляня мимо ушей.

Когда Се Цзинлань изредка все же отвечал, он ненавязчиво расспрашивал о прежней жизни Сяхоу Ляня: стоило заменить в его рассказах разбойников и воришек на наемных убийц, как картина вырисовывалась более чем правдивая.

Жизнь Сяхоу Ляня со стороны казалась полной новизны, но стоило провести так чуть дольше времени, как она становилась смертельно скучной.

Все в миру полагали, будто Цзялань — это настоящее место разврата и роскоши, где убийцы обнимают красавиц, пьют отменное вино и распевают песни ночи напролет, а обгаренные человеческой кровью длинные клинки валяются прямо среди цветов. Но на самом деле они жили в затерянной среди глухих гор обители с самым простецким названием. Главарем Цзяланя был доживающий свой век дряхлый монах, охранявший обветшалый храм. Наводящая ужас на всю округу Гаруда носилась по горам за своим неугомонным сыном и вынуждена была с заискивающей улыбкой выпрашивать горсть риса у соседей.

Каждому убийце подсаживали яд под названием Циюэбань. Раз в год требовалось принимать противоядие, иначе в день Циюэбань несчастный умирал в страшных муках. Зимой, когда горы заметало снегом, убийцы собирались в том полуразвалившемся храме, держа в руках по чашке горячего чая, и слушали, как настоятель читает сутры, вонючие и длинные, словно бинты старой карги. После этого они отчитывались о добытых за год головах и получали из чаши для подаяний порцию противоядия на следующий год.

Каждый раз лица вокруг немного менялись: некоторые люди уже не возвращались с гор, а их тела гнивали в грязи, подобно протухшей соленой рыбе. Никто больше не вспоминал их имена, и на пустующие места тотчас приходили другие убийцы. Сяхоу Лянь всегда думал, что

сутры, которые настоятель читал ежегодно, были нужны для упокоения их душ, хотя сам он вечно засыпал на половине чтения.

Матушка то и дело куда-то улучала, а он, словно дикая обезьяна, в одиночку носился среди деревьев и скал. Хотя он мастерил немало забавных вещиц с духом диких мест — вроде бомб из птичьего помета или деревянных ежей, — но стоило ему по неосторожности задеть кого-то из других горных убийц, как его неизменно ловили и хорошенько лупили. Вероятно, именно так и закалялась его дубленая, как днище котла, шкура.

Убийц на горе оставалось не так уж много, и круглый год там дежурил лишь этот старый лысый осёл. Но этот старый хрыч никогда не говорил по-человечески, а умел лишь бубнить себе под нос сутры. Бывало, когда Сяхоу Лянь слишком сильно проказничал, Дядя Дуань оттаскивал его в храм и заставлял сидеть под статуей Будды и слушать это бормотание — вот уж поистине казалось, что смерть лучше такой жизни.

Чаще же всего Сяхоу Лянь лежал в одиночестве в лесу и предавался задумчивости. Он разорил каждое птичье гнездо на деревьях, обошел вброд каждый ручей в горах. Горные обитатели обладали чутким нравом и знали, насколько опасен этот чумазый мальчишка, поэтому в местах, где он проходил, птицы и звери почти исчезали.

Гряда громоздилась за грядой, бесконечно шумели волны сосновой хвои, хижины убийц пустовали, а Сяхоу Лянь сидел на ступенях Цзяланя и слушал бесконечное бормотание старого лысого осла, засыпая на ходу. Ему оставалось лишь снова и снова мысленно перебирать истории, которые рассказывала ему Гаруда, да вновь и вновь бродить по тропинкам знакомого с закрытыми глазами леса, а дни текли своим чередом, сменяя друг друга.

Если подумать, Се Цзинлань был его первым другом.

— Неужели в будущем, кроме как перенимать их ремесло и странствовать по цзянху, у тебя нет другого пути? — спрашивал Се Цзинлань.

— У таких, как мы, с самого рождения есть лишь две дороги: либо идти за старшими в цзянху, либо всю жизнь просидеть на горе и сгинуть здесь в старости, — отвечал Сяхоу Лянь, вороша угольки в жаровне. — Я не хочу до конца дней быть взаперти среди гор, поэтому мне приходится учиться ремеслу у взрослых.

— Неужели этот старый монах настолько силен? Способен удержать вас всех?

Сяхоу Лянь не хотел тратить слова на объяснения насчет Циюэбань и лишь вздыхал:

— Даже моя матушка не может его одолеть.

Лучи солнца проникали сквозь узорчатые резные окна, ложась на половину тела Сяхоу Ляня и

словно высекая на нем причудливые узоры — то светлые, то темные, переплетающиеся друг с другом. Половина его лица тонула в тени, глаза были опущены, а правая рука лениво ворошила угли в жаровне.

Се Цзинлань думал: неужели у такого беззаботного человека, как он, тоже бывают минуты уныния?

— На самом деле я даже завидую тебе, молодой господин Цзинлань, — тихо произнес Сяхоу Лянь. — Ты ведь раньше спрашивал, почему я решил помочь тебе?

Се Цзинлань замер.

— Мне-то уже заведомо не на что надеяться, — Сяхоу Лянь поднял голову, и в его глазах мерцали искорки улыбки. — Зато у тебя есть надежда. Учиться, сделать карьеру чиновника, усовершенствовать себя, навести порядок в семье и принести мир в Поднебесную, оставить имя в веках, чтобы им восхищались поколения — как же это прекрасно.

Пути, по которым шли они с Се Цзинланем, расходились в совершенно противоположные стороны: один вел к пышному цветению, а другой — в место, где не было света. Сердце Се Цзинланя словно пронзило несколько тонких игл — возникла едва уловимая, но острая боль.

Он приоткрыл рот:

— Я...

Действительно ли он этого хочет?

Поначалу, когда он только начал учиться, им двигало желание однажды увидеть, как клан Се падет к его ногам и будет горько раскаиваться. Позже, начав обучение у Дай Шэнъяня, он отбросил эти подлые помыслы.

И всё же, с самого начала и до конца, больше всего его заботили вовсе не простые люди, суесящиеся на улицах и переулках.

Они были слишком далеки и слишком многочисленны.

А его собственное сердце было очень маленьким, и в его израненных глубинах хватало места лишь для самой малости.

— Я спасу тебя. Настанет день, когда я возьму в руки бразды правления, и тогда ты вырвешься из этой пучины страданий. В конце концов, каким бы сильным ни был твой вожак, разве сможет он противостоять мощи целого государства?

Сяхоу Лянь, что перебирал угли в жаровне, замер, смущенно почесал затылок и проговорил:

— Ну и завернул ты. Звучит так, будто я какая-то ослепительная красавица, ради которой ты собираешься мобилизовать армию целой страны, чтобы выкрасть меня из родительского дома.

Се Цзинлань поначалу беспокоился, боясь, что Сяхоу Лянь высмеет его самоуверенность. В

конце концов, кто может поручиться за будущее? Как он мог быть уверен, что в тот самый год и месяц непременно займет высочайший пост?

Даже если бы он был уверен, дождется ли его Сяхоу Лянь?

Однако он не ожидал, что Сяхоу Лянь, в конце концов, был существом невежественным, чья голова была забита нелепыми бульварными романами о талантах и красавицах, полководцах и принцессах. Стоило ему открыть рот, как у Се Цзинланя не оставалось слов для ответа.

Се Цзинлань бросил на него быстрый взгляд:

— Ты неплох собой, так что твое прозвище не на пустом месте возникло.

Дни пролетали быстро, и глазом не успели моргнуть, как пришла весна. Сяхоу Лянь топтался в тазу, застирывая нижнее белье Се Цзинланя. Закатав штанины и рукава, он обнажил стройные руки и ноги. Провозившись с одеждой довольно долго, он вспотел, и пряди волос прилипли к его щекам. В свои двенадцать лет мальчишка был крепким, излучающим солнечное жизнелюбие.

Он не осмеливался долго толочь белье: если бы Се Цзинлань узнал, что он так стирает, то наверняка разозлился бы до смерти. Тот мальчишка, с тех пор как начал по ночам мочиться в штаны, не желал доверять стирку матушке Лань или Ляньсян. Сяхоу Лянь был в курсе этих дел, а сам стирать не хотел, вот и решил просто свалить всё на Се Цзинланя.

Наконец, справившись со стиркой, Сяхоу Лянь развесил вещи сушиться, привел себя в порядок и отправился в Книгохранилище за Се Цзинланем. Дай Шэнъянь на днях уехал на озеро Мочоу, поэтому Се Цзинлань ходил в Книгохранилище один. Сегодня вечером намечалась храмовая ярмарка, и Сяхоу Лянь битый час ныл и умолял, пока Се Цзинлань не согласился улизнуть с ним, чтобы полюбоваться на фонари.

Се Цзинлань склонился над столом из грушевого дерева; перед ним высилась гора книг. Одетый в стеганный халат цвета светлого лотоса, он казался еще более бледным, словно яшма. Однако его тело выглядело слишком хрупким, веяло от него болезненностью, словно он был вырезан из бумаги и мог исчезнуть без следа от малейшего дуновения ветра.

Сяхоу Лянь позвал его:

— Молодой господин!

Се Цзинлань поднял голову и бросил на него легкий, скользящий взгляд. Он был настолько хорош собой, что даже обычный взгляд казался способным лишить человека души. Сяхоу Лянь мысленно показал ему язык и сменил прозвище: старшая барышня Цзинлань.

Сяхоу Лянь помог ему собрать книги в ящик, поставил его на полку и помог переодеться в наряд слуги. Это был не первый раз, когда они так поступали. Сяхоу Лянь от природы обладал какой-то дьявольской заразительностью: всякий, кто с ним связывался, неизбежно вставал на кривую дорожку. Даже Ляньсян однажды позволила ему вытащить себя из поместья. Правда, за пределами дома Ляньсян только и делала, что крутилась у лавок с пудрой и румянами, после чего Сяхоу Лянь поклялся больше никогда не брать её с собой.

— Только полчаса, — наставлял Се Цзинлань.

Сяхоу Лянь без устали кивал:

— Договорились!

Они пошли огородами, перемахнули через две стены и наконец выбрались из поместья. Как только они подошли к выходу из переулка, сзади послышался ехидный голос:

— Третий молодой господин, и куда же это вы направляетесь?

Оба замерли, чувствуя, как внутри всё похолодело. Медленно обернувшись, они увидели кормилицу Лю. Её лицо было обрюзгшим, а в прищуренных глазах сверкал холодный свет.

— Попались! Слишком уж вы обнаглели. Если бы я не следила за вами, госпожа и не знала бы, до чего вы дошли.

Сяхоу Лянь досадовал, что прозевал эту шпионку. Обычно Се Цзинлань пропадал в Книгохранилище допоздна, а место это было уединенное, туда почти никто не заглядывал. Они планировали притвориться, что всё еще занимаются там, а сами хотели сбежать на праздник фонарей. Кто бы мог подумать, что кормилица Лю всё выследит.

Сяхоу Лянь шагнул вперед:

— Это я подбил молодого господина сбежать из поместья! Если хотите наказать — наказывайте меня!

— Сяхоу Лянь, не тебе здесь слово давали! — Се Цзинлань схватил его за запястье. — Кормилица, не нужно лишних слов. Если госпожа желает наказать — пусть наказывает.

Кормилица Лю не пощадила никого и, конвоируя обоих, повела в главный зал. Луна поднялась над ивами, зажглись фонари, но их тусклый свет не мог рассеять мрачные тени, падавшие от балок и столбов. Госпожа Сяо и Се Бинфэн сидели на почетных местах. Тень скрывала лицо Се Бинфэна, делая выражение его лица нечитаемым. Се Цзинлань опустил одежды и опустился на колени прямо на землю, отвесив ровный, правильный поклон, после чего произнес:

— Цзинлань явился пред светлые очи отца, чтобы просить о наказании за свои проступки.

Се Бинфэн с досадой в голосе произнес:

— Отец-то думал, ты у меня парень тихий и рассудительный, способный спокойно учебой заниматься, а ты, оказывается, тоже маешься дурью. Говори, куда это тебя понесло блажить?

— Собирался было заглянуть на храмовую ярмарку, — смиренно опустив глаза, ответил Се Цзинлань. На его лице читались лишь кротость, усердие, почтительность и готовность к уступкам. — Цзинлань осознал свою ошибку и молит отца о суровом наказании, клянусь, больше подобного не повторится.

Увидев, что Се Цзинлань сам признал вину и ведет себя послушно, Се Бинфэн наполовину растерял свой гнев и промолвил:

— Ладно уж, ты еще мал, а тяга к играм — дело неизбежное. Ступай к себе, займись усердно книгами, и на этот раз я прощу твою шалость.

Се Цзинлань уже собрался было поклониться и удалиться, но тут подала голос Госпожа Сяо:

— Погодите-ка, сударь. Наш Цзинлань отродясь отличался усердием и тягой к знаниям. Вы-то круглый год в разъездах и ничего не ведаете, а мне ли не знать лучше всех? Этот ребенок

учится так истово, что готов был, пожалуй, и волоса к балке подвешивать, и шилом в бедро колоть. С чего бы это ему вдруг сбегать из поместья на храмовую ярмарку? По моему разумению, тут наверняка кто-то подговорил его и сбил с пути истинного.

Взгляд Се Бинфэна переместился на Сяхоу Лянь, и в его глазах промелькнула сдерживаемая ярость:

— Сяхоу Лянь, что ты на это скажешь?

Не успел Сяхоу Лянь и рта раскрыть, как Се Цзинлань опередил его:

— Отец, Сяхоу Лянь и впрямь заводил пару дней назад разговор о ярмарке, но решение пойти принял я сам. Я веду уединенный образ жизни, и даже в праздничные дни матушка, жалея мое хрупкое здоровье, оставляла меня дома набираться сил и никогда не брала с собой. Оттого-то в сердце моем и жила тайная тоска, да только признаться вслух я не смел. Сегодня же я в порыве глупости поддался минутному порыву и тайком вытащил Сяхоу Ляня за ворота. Я уже во всем раскаялся, и если отец желает меня наказать, сын не смеет противиться.

Се Бинфэн бросил взгляд на Госпожу Сяо, кашлянул и промолвил:

— Твоя матушка тоже ведь из лучших побуждений пеклась о тебе. Уж если тебе так хотелось пойти, сказал бы прямо, никто не стал бы тебя запирасть.

Госпожа Сяо никак не ожидала, что все обернется против нее и удар нанесут ей же. От досады у нее зачесались зубы, и она украдкой метнула взгляд на кормилицу Лю.

Кормилица Лю вынырнула из-за спин с таинственным выражением лица и заговорила:

— Господин, вы ведь кое о чем еще не ведаете.

Се Бинфэн, недовольный подобным маскарадом, холодно бросил:

— Есть что сказать — говори прямо. Нечего в нашем доме разводить эту нечистую мистику.

Кормилица Лю тут же затараторила:

— Да этот Сяхоу Лянь не просто подговорил молодого господина на ярмарку идти, он еще и сманил его в Вансянло послушать музыкантш! И неизвестно только, сколько серебра они там спустили на награды. Наш молодой господин по природе своей парень стойкий, да только этот Сяхоу Лянь все его ежемесячные карманные деньги подчистую растранижил. Позавчера же, когда я помогала молодому господину прибирать постель, янекстали неожиданно обнаружила...

Се Бинфэн, подавляя поднимающийся гнев, потребовал:

— Что обнаружила?

Кормилица Лю изображала испуг и сжалась в комок:

— Обнаружила женский платок, а на нем вышито что-то вроде Сердце моца... и Скала, ну или вроде того. Ох, старая служанка грамоте не обучена, почем мне знать, что там за каракули выведены.

— Уж не Сердце мое словно скала, а душа — словно трава пуху? — Госпожа Сяо прикрыла

алебастровые губы рукой, а в ее взгляде промелькнуло злорадство. — Сударь, только взгляните на этого Сяхоу Ляня! Настоящая же зараза. Мало того, что сам ничему хорошему не учится, так еще и Цзинлани за собой на кривую дорожку уводит.

— Брехня! Когда это я хаживал по всяким Вансянло? Все это ваши выдумки! — гневно выпалил Сяхоу Лянь.

Кормилица Лю тут же вставила:

— Если господин не верит, пусть велит обыскать комнату Сяхоу Ляня — осталась ли там хоть медяшка на пропитание? А заодно и самого молодого господина обыщите, уж этот-то платок молодой господин при себе носит день и ночь.

— Отец, умоляю, рассудите нас! Мы отродясь не бывали в Вансянло. Мою комнату всегда прибирает только Сяхоу Лянь, с какой стати к ней прикасалась кормилица Лю? Эта служанка нагло лжет и заслуживает сурового наказания! Отец может приказать позвать людей из Двора Осеннего Тунгового Древа и расспросить их, тогда и станет ясно, что мои слова — чистая правда.

Сердце Се Цзинлани тревожно заколотилось, и он мысленно выругался: дело дрянь. Госпожа Сяо явно целилась в Сяхоу Ляня, но у того все карманные деньги уходили на сладости, откуда взяться лишним? А этот платок, к гадалке не ходи, кормилица Лю какими-то тайными путями подкинула к ним. Допустить обыск нельзя ни в коем случае.

Вансянло? На берегу Циньхуайхэ в Цзиньлине злачных мест и веселых кварталов видимо-невидимо, почему они уцепились именно за Вансянло?

Госпожа Сяо повысила голос:

— Спросить-то, конечно, спросим, но и обыскать тоже необходимо! Эй, люди, обыскать их!

Стоявшие поодаль пожилые служанки тут же подались вперед, схватили Се Цзинлани и принялись шмонать его с ног до головы, пока одна из них не запустила руку в подкладку его распашонки и не вытянула оттуда ярко-красный шелковый платок. Сторонним наблюдателям со стороны могло показаться, будто платок извлекли прямо из-за пазухи Се Цзинлани, и никто не ведал, что на самом деле он прятался в потайном шве.

Увидев этот платок, Се Цзинлань и Сяхоу Лянь в тот же миг смертельно бледнели.

Госпожа Сяо притворно сокрушенным тоном запричитала:

— Да вы же совсем сопляки, а уже нахватались столь мерзких привычек, что же дальше-то будет? Сяхоу Лянь, Господин Дай оказал тебе честь, мало того что выкупил твой контракт, так еще и сударь возвысил тебя, оставив при Третьем молодом господине компаньоном для учебы. А ты каков? Мало того что сам ни к чему хорошему не стремишься, так еще и молодого господина обучаешь скверному! Каковы твои замыслы?!

Сяхоу Лянь не мог найти слов для оправдания и лишь молча бесновался от бессилия.

Се Бинфэн перехватил этот ярко-красный платок. В нос ему ударил густой шлейф парфюма, от которого он едва не чихнул. На уголке платка красовались короткие поэтические строчки, а подпись гласила: Лю Сянну. Смотреть было не на что, но стоило ему вчитаться, как он вспыхнул от гнева до седьмого неба.

Лю Сянну была сценическим псевдонимом главной красотки Вансянло, куртизанки Лю. нрава она была весьма высокомерного и спускалась к гостям крайне редко. Даже сам Се Бинфэн потратил немало сил, выискивая бесчисленные изысканные вирги и утонченные строки, чтобы растопить сердце красавицы. У него в кармане тоже лежал точь-в-точь такой же платок с тем же именем, разве что стих на нем был другим: Хочу я быть звездой, а ты — луной, сиять ночами рядом чистой красотой.

Выходит, эта куртизанка Лю заготовила целый запас подобных платочков и раздает их каждому благодетелю по штуке в одни руки? И даже стихи при этом не повторяются?

Се Бинфэн не то разозлился из-за того, что Се Цзинлань в столь юные годы уже околачивается по цветам и ивам, не то взбесился оттого, что куртизанка штампует одинаковые платки для всех подряд, не то пришел в бешенство от осознания того, что они с сыном вдвоем сами того не ведаяendo делят одну блудницу. Он подхватил со стола пиалу с чаем и швырнул ее в Се Цзинланя — брызги облили юношу с ног до головы, а осколки со звоном разлетелись по полу.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Се Бинфэн швырнул платок на землю и взревел:

— Мелкий ублюдок, погляди-ка, на что ты умудрился сподобиться?! С какой стати у тебя оказался платок куртизанки Лю?

Се Цзинлань, принявший на себя удар чашки, казалось, ничуть не пострадал. На его лице по-прежнему застыло ледяное выражение, лишённое всяких эмоций. Он подобрал злосчастный платок, повертел его в руках и, бросив обратно на пол, холодно бросил:

— Этот платок не мой.

Сяхоу Лянь тоже подбежал ближе, заглянул через плечо и, увидев на уголке имя Лю Сянну, странно переменился в лице.

Госпожа Сяо поправила прическу на голове и с напускной горечью вздохнула:

— Сударь, вспомните-ка, когда клан Се устраивал великий сбор у озера Яньбо — какая грандиозная стояла обстановка! И надо же было такому случиться, что лишь этот сопляк привлек благосклонный взгляд ученого мужа. Вы-то уж надеялись, что в нашем клане Се наконец забрезжил достойный росток, и уповали, что он прославит предков. А он оказался всего лишь сопляком, не способным устоять перед чужими соблазнами. — Тут она бросила косой взгляд на Сяхоу Ляня и добавила: — И ведь нельзя, милый мой, чтобы об этом узнали ваши близкие друзья и товарищи, не то они со смеху животы понадорвут.

Се Бинфэн всегда ставил собственную репутацию выше собственной жизни. Даже если внутри него все гнило и кишело червями, он норовил обернуть это в парчу и золото. То, что Се Цзинлань удостоился признания самого Дай Шэнъяня, изрядно прибавило ему веса в глазах окружающих: все эти литераторы и эрудиты наперебой расхваливали его, повторяя: у тигра не бывает собак-детенышей, книжная ученость сильна традициями клана Се. Чем сильнее была напускная фальшь его авторитета, тем яростнее он трясся над ней. Привыкнув торговать фальшивой славой, он не терпел и малейшего посягательства на нее.

В этот момент он пришел в бешенство, ткнул пальцем прямо в нос Се Цзинланю и заорал:

— Тварь, позорящая наш род! Эта мерзость нашлась прямо в твоих одеждах, а ты еще смеешь оправдываться! Если не твое, значит, твоего драгоценного компаньона! Я родил тебя и вырастил для того, чтобы ты занимался подобной грязью?!

Заметив, что Се Цзинлань сидит с совершенно каменным, непроницаемым лицом, словно статуя, Госпожа Сяо почувствовала прилив омерзения и подлила масла в огонь:

— Какая курица — такие и яйца. Раз уж та, что несла яйцо, была распутной, с чего бы самому яйцу уродиться хорошим?

Се Цзинлань резко вскинул голову и в упор уставился на Госпожу Сяо.

Се Бинфэн кашлянул и с неловким видом произнес:

— С какой стати ты вдруг поминаешь его мамашу посреди всего этого?

— Что, и сказать уже нельзя? Когда ты сам тогда напился до бесчувствия и потерял рассудок, не только прижил этого никчемного ублюдка с подмоченной репутацией, но вдобавок еще и понижен был в чине на три ступени — вся твоя блестящая карьера вот так прахом пошла! — злорадно ухмыльнулась Госпожа Сяо. — Сам натворил грехов — самому за них и расплачиваться.

Се Бинфэн раздраженно оборвал ее:

— Сколько раз тебе повторять, не касайся имени этой падшей женщины!

Произнеся это, он только тут вспомнил, что Се Цзинлань все еще здесь, и украдкой покосился на него. Увидев, как юноша опустил голову и застыл без движения, а из-под тени волос проступал бледный подбородок, до боли напоминавший черты его матери, он тут же задавил едва зародившееся чувство вины. Вместо этого в его душе буйным сорняком поднялось жгучее раздражение, и, плотно зажмурив глаза, он отрезал:

— Хватит! Довольно! Се Цзинлань, ступай в Родовой храм, встань на колени и думай над своим поведением. Отныне — домашний арест в твоём дворе, кроме как на лекции к Господину Даю, нос никуда не казать! Что же до Сяхоу Ляня — наш клан Се не в силах содержать такого великого будду. Как только Господин Дай вернется, пусть забирает тебя к чертовой матери!

Сяхоу Лянь в конце концов не выдержал и гневно бросил:

— Мертвые уже ушли в иной мир! Проявлять такую мелочность и злобу — значит опозорить благородное происхождение!

Се Бинфэн взревел:

— Щенок! Твоего ли мнения здесь спрашивают?!

Сяхоу Лянь мысленно сплюнул на землю и покосился на Се Цзинланя. Тот стоял на коленях позади, и разглядеть можно было лишь его спину.

Се Цзинлань низко опустил голову, и его мертвенно-бледное лицо тонуло во мраке, скрывая истинные мысли.

До его слуха долетал шепоток прислуги — словно полчища мелких насекомых с тонкими крылышками шуршали по столешницам, издавая зловеший шелест. Фитиль свечи на столе с треском выбросил искру, и тени на полу послушно заплясали в такт. За стеной ночной дозорный отбивал удары деревянной колотушки — тук-тук, тук-тук, — отдававшиеся прямо в сердце глухой, ноющей болью.

Внезапно он подал голос. Звучал он негромко, но донесся до каждого присутствующего:

— Этот платок не мой.

— О? Стало быть, по-твоему, он принадлежит Сяхоу Ляню? — Госпожа Сяо изогнула алые губы в слащавой улыбке.

Се Цзинлань медленно поднял голову и в упор уставился на нее. В его темных, погруженных во мрак глазах таилась такая бездна, что Госпоже Сяо на мгновение показалось, будто оттуда на нее глядит дикий демон.

— Если я не ошибаюсь, истинный владелец этой вещицы — твой собственный сын, Се Цзинтао.

<http://bllate.org/book/26257/3145239>